

УДК 94(571.65)

ББК 63.3(251)

С 831

С 831 **Страницы нашей истории : сб. науч. ст., посвящ. 50-летию д-ра ист. наук, проф. Анатолия Ивановича Широкова : / под ред. В.Г. Зеляка. – Магадан : СВГУ, 2017. – 217 с.**

ISBN 978-5-91260-190-3

Сборник посвящен 50-летию со дня рождения известного исследователя истории Северо-Востока России и общественного деятеля, доктора исторических наук, профессора Анатолия Ивановича Широкова.

Содержит научные статьи по актуальным вопросам отечественной истории, подготовленные учителями, однокурсниками, коллегами и учениками А.И. Широкова.

УДК 94(571.65)

ББК 63.3(251)

Издано по решению Редакционно-издательского совета Северо-Восточного государственного университета.

ISBN 978-5-91260-190-3

© Северо-Восточный государственный университет, 2017

21. Russia's Far East: A region at risk / J. Thornton and C.E. Ziegler ed. – Seattle–London : University of Washington Press, 2002. – 498 p.

22. Stephan J. The Russian Far East. A History / J. Stephan. – Stanford : Stanford University Press, 1994. – 481 p.

УДК 94:069(571.1/5)

**АЛЕКСЕЙ КИРИЛЛОВИЧ КУЗНЕЦОВ
И СТАНОВЛЕНИЕ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В ЗАБАЙКАЛЬЕ**
Э.И. Черняк, Н.М. Дмитриенко

Аннотация: рассматриваются недостаточно изученные вопросы истории музейного дела восточных территорий России, выясняются условия и обстоятельства приобщения А.К. Кузнецова к музейной работе: семейные традиции, образование, участие в народническом движении, пребывание на Карийской каторге (1873–1879 гг.). Освещается создание Кузнецовым Нерчинского и Читинского музеев, детализируются его труды по комплектованию, обработке и размещению музейных коллекций, раскрывается решающий вклад в музейное строительство в Забайкалье в конце XIX–начале XX в.

Ключевые слова: история музейного дела, музееведческая деятельность А.К. Кузнецова, музеи Забайкалья.

Жизненный путь А.К. Кузнецова описан им самим в автобиографии, подготовленной в 1926 г. для издания биографического словаря [1]. С разной степенью подробности его биографии изложены в работах российских исследователей [2–7]. Однако в силу непреходящего значения роли А.К. Кузнецова в социокультурном развитии Забайкалья и всей Северной Азии считаем возможным еще раз обратиться к изучению его деятельности, проследить процесс становления как музееведа, конкретизировать вклад в музейное дело.

Глубоко убежденные в том, что способности и интересы человека обусловлены семейным воспитанием, окружающей обстановкой, обратимся к имеющимся в нашем распоряжении фактам. Из автобиографии А.К. Кузнецова известно, что родился он в 1845 г. в причерноморском городе Херсоне, «в богатой

купеческой семье». Кроме Алексея, у его родителей – Кирилла Никитича и Натальи Георгиевны Кузнецовых – было еще четверо детей: Мария, Неонила, Семен и Кирилл. По окончании уездного училища Алексей «был отвезен в Московское коммерческое училище», которое окончил в 1864 г. и получил звание личного почетного гражданина [1, с. 126; 7]. Немногие сохранившиеся сведения раскрывают картину семейного благополучия Кузнецовых, понимание значения хорошего образования в жизни человека. Как важную особенность следует отметить, что глава семьи, Кирилл Никитич Кузнецов, записывал в особую книжку семейные события, поражавшие его явления природы и окружавшей действительности. Книжечка эта впоследствии оказалась в архиве Читинского музея, и ее с благодарностью использовал первый биограф Алексея Кузнецова – Н.Н. Жуков [2, с. 5]. Думается, что увлечение отца не было случайным, оно навеяно самим временем, когда в России, тем более в Причерноморье, наблюдался повышенный интерес к местной истории, к старине. Ведь именно там, на Черноморском побережье Новороссийского края, были начаты археологические раскопки древнегреческих городов-государств, и в 1820–40-х гг. открылись первые в России археологические музеи. По данным инициатора археологических исследований причерноморских территорий И.А. Стемпковского, не так далеко от Херсона, на берегу Бугского лимана, сохранялись развалины древнегреческого города Ольвия, а в низовьях Днепра, практически в окрестностях Херсона, издавна раскапывали курганы, находили древние монеты, обломки барельефов, и многие найденные сокровища «разошлись по рукам частных людей» [8, с. 208–209].

Интерес к знаниям, привитый в семье, получил серьезную поддержку в период обучения Алексея Кузнецова в Московском коммерческом училище. Усвоению обязательной программы помогали занятия в хорошо оборудованных лабораториях, в чертежных и рисовальных классах. В училище имелась большая библиотека, устраивались литературно-музыкальные вечера, проводились беседы об искусстве. Окончив коммерческое училище, А. Кузнецов поступил в только что открывшуюся Петровскую земледельческую и лесную академию (совр. Российский государственный аграрный университет). В академии подготавливались специалисты сельского и лесного хозяйства

с опытом управленческой работы, поощрялись научные исследования. Алексей Кузнецов специализировался у профессора И.А. Стебута. (Крупный специалист в области агрономии и растениеводства, Стебут организовал при Петровской академии сельскохозяйственный музей, опытное поле, агрономическую лабораторию и предоставил их для самостоятельной работы студентов.) Одновременно он занимался под научным руководством профессора Н.Н. Кауфмана, который был известен трудами о московской флоре, служил директором Ботанического сада и хранителем гербария Московского общества испытателей природы [9]. Под влиянием столь увлеченных наукой профессоров Алексей Кузнецов, по его собственному выражению, гербаризировал в Московской губернии, приступил к работе над диссертацией о «низших вредителях в сельском хозяйстве». Однако в 1869 г. в его жизни произошло непоправимое.

На волне общественно-политического движения, получившего впоследствии название народничества, Алексей Кузнецов вошел в кружок Сергея Нечаева, который ставил целью «социальную революцию». Много позже А.К. Кузнецов вспоминал: «Во время моей исследовательской работы с микроскопом появился в моей квартире неизвестный мне молодой человек, фамилию которого я узнал только на суде: Сергей Геннадиевич Нечаев. Развернув передо мной картину революционного движения, охватившего в то время Россию, и осмеяв меня, предававшегося научным исследованиям, – он силой своего революционного убеждения покори́л меня». Эта сила, по свидетельству А.К. Кузнецова, находила проявление в поступках и словах Нечаева: «Нужно работать только для блага обездоленного народа; нужно организовывать восстание» [1, с. 126, 128]. Беспрекословно преданные своему вожаку, четверо кружковцев-нечаевцев, в их числе и Кузнецов, участвовали в убийстве студента Петровской земледельческой академии И. Иванова, ложно обвиненного Нечаевым в предательстве. К судебному расследованию по «Делу нечаевцев», проходившему в июле 1871 г. в обстановке широкой гласности, было привлечено 77 человек. Четверо участников убийства были осуждены на каторжные работы и после нескольких месяцев тюремного заключения отправлены на Карийскую каторгу. (Сам Нечаев, как известно, бежал за границу, но его арестовали, и, приговоренный к 20 годам каторги, он умер в тюрьме.)

А.К. Кузнецов много размышлял об «ужасном акте», в котором принимал участие, вспоминал, как Нечаев предлагал «пожертвовать жизнью Иванова» ради «дела революции», а для «достижения народного блага» обдумывал «план цареубийства». В конце концов Кузнецов пришел «к твердому убеждению, что для свершения террористического акта над Ивановым не было никаких серьезных оснований, что этот акт нужен был Нечаеву для того, чтоб крепче спаять нас кровью». Но и на исходе своей жизни Кузнецов не отказался от убеждений молодости: «Несмотря на то, что Нечаевым было поругано и затоптано то, чему я поклонялся, несмотря на то, что он своей тактикой причинял огромные нравственные страдания – я все же искренне преклоняюсь перед Нечаевым, как революционером» [1, с. 128–129].

Карийская каторга – множество тюрем, разбросанных по берегам Кары, левого притока Шилки (впадающей в Амур), – была организована в конце 1830-х гг. в интересах развития Нерчинского горного округа. Трудом каторжан осуществлялись все работы по золотодобыче на карийских приисках, славившихся богатым содержанием золота. А.К. Кузнецов прибыл на Карийскую каторгу летом 1873 г. и пробыл там шесть лет. Это были самые тягостные годы его жизни. В письме к младшей сестре Неониле, в замужестве Поппер, которое процитировал в своем очерке Н.Н. Жуков, Кузнецов делился первыми безотрадными впечатлениями: «Карийские промыслы расположены в узкой долине как щели, идущей от реки Шилки на север. Куда бы вы ни взглянули, везде видите только волнистый однообразный контур гор, покрытых чахлой растительностью, вздымающихся как стены». И на всем пространстве вдоль Кары «копошатся с раннего утра до поздней ночи массы полунагих людей, окруженных частоколом штыков... Из боязни кнута, с проклятиями, эти полунагие люди ломом и кайлой разбивают землю, носят пески на золотопромывательную машину для того, чтобы после адского труда над 250 пудами песка казна получила 1 золотник или, чаще, несколько долей чистого золота». Но и многочисленные свободные люди, карийское начальство, по мнению Кузнецова, мало чем отличались по своему положению и настроениям от каторжников: «Как будто потому что дышат отравленным воздухом Кары, пропитываются также ненавистью, завистью ко всему, проводя все свое свободное время в картах, пьянстве, любовных похождениях и в подкопах друг против друга» [2, с. 9, 11].

Оказавшись в «этой безобразной мрачной жизни», А.К. Кузнецов остро нуждался в духовной поддержке, которую получал в переписке с сестрой и ее мужем. В одном из писем он сообщал, что почувствовал большую потребность в эстетических переживаниях, что в нем оживают любовь к музыке, рисованию, природе, как «протест или реакция против неестественных условий, в которых я нахожусь» [2, с. 12]. И подобно своим предшественникам в сибирской ссылке – декабристам и участникам польских восстаний – А.К. Кузнецов обратился к просветительской работе. Как «малосрочный» он находился на положении урочника, выплачивал в кассу зрителя среднекарийского промысла определенную сумму – урок, и его перевели в «вольную команду» и назначили в приют для детей каторжан. В самые короткие сроки он организовал в приюте мастерские для обучения детей ремеслам и, используя свои агрономические знания, устроил сад с оранжереей и цветниками, огород с теплицами и парниками и опытное поле. Для детей служащих карийских промыслов он открыл школу, вместе с врачом каторжного лазарета В.Я. Кокосовым организовывал любительские спектакли для взрослых и детей. Думается, что душевные и физические силы А.К. Кузнецов черпал и в продолжении тех занятий, которыми занимался в прежние времена. Позже вспоминал, что по пути на каторгу он следовал с уголовной партией, но признанный гражданским преступником, пользовался некоторыми послаблениями, и это «давало возможность ботанизировать». На Каре он продолжил сбор растений и составил неплохой гербарий забайкальской флоры [1, с. 130].

По истечении шести лет А.К. Кузнецов был переведен на поселение (позже его восстановили в гражданских правах) и в 1878 г. перебрался в Нерчинск, окружной город Забайкальской области. Он арендовал большой двухэтажный дом в центре города (у него уже была своя семья, малые дети) и занялся устройством сада и огорода. Скорее всего, средства на домозаводство он получал от родных и подробно сообщал им о состоянии своих дел. В письме к своему зятю Попперу он сетовал, например, что почва под огородом слишком песчаная и не может удерживать влагу, но это не останавливало «от любимой возни в огороде и садике».

В биографических статьях указывалось, что А.К. Кузнецов прибыл в Нерчинск по приглашению М.Д. Бутина и в дальнейшем пользовался его поддержкой [1, с. 130; 6, с. 217]. Нужно заметить, что Михаил Дмитриевич Бутин, богатейший сибирский золотопромышленник, коллекционер, создатель частного музея, не благотворительствовал в обычном смысле этого слова, то есть не раздавал деньги «из милости» бедным и нуждавшимся. Он предлагал работу и хорошо за нее платил. Известно, например, что он оказывал поддержку даровитому нерчинскому художнику Прокопию Рязанцеву, устраивал его поездки по Забайкалью, приобретал картины, написанные с натуры, и по-видимому выставлял их в своем музее (позже они были переданы в фонды Читинского музея) [10, с. 4–6]. Так и в случае с Кузнецовым Бутин предложил ему устройство сельскохозяйственной фермы вблизи Нерчинска. Реализуя свои земледельческие знания, А.К. Кузнецов занимался бутинскими делами около трех лет, провел первый в Нерчинске водопровод к дому Бутиных, организовал на устроенной им ферме сельскохозяйственную выставку. Но все же разошелся с щедрым работодателем, считая его эксплуататором, хотя и хорошим человеком [2, с. 23–25].

Восстановленный в гражданских правах, А.К. Кузнецов избирался гласным Нерчинской городской думы, основал Общество попечения о начальном образовании, которое устраивало музыкальные концерты, спектакли, городские праздники. Но искус собирательства не давал покоя. Он бывал в частном музее Бутина, специально съездил в Нерчинский Завод, где еще в конце XVIII в. был сформирован минералогический кабинет, но нашел там лишь фундамент музейного дома и ничем не подтверждаемые рассказы о том, что археологическую коллекцию из музея отправили в Петербург с золотым караваном. Правда, остатки минералогической коллекции сохранились в доме горного начальника [2, с. 26].

А.К. Кузнецов продолжал работу по составлению гербария, начатую на Каре, собирал другие свидетельства сибирской жизни и в 1886 г. с одобрения и при поддержке органов городского самоуправления преобразовал свои коллекции в публичный музей, первый на дальневосточных территориях России. Музей содержался, в основном, на пожертвования горожан,

в том числе купцов И.Ф. Голдобина, Г.И. Шульгина [11, с. 473]. Фонды на первых порах пополнял сам Кузнецов. Он обратился к археологии, возможно, вспоминая впечатления детства, а скорее всего находясь под влиянием В.В. Радлова, Д.А. Клеменца, В.М. Флоринского. В научных трудах, в частной переписке (также становившейся достоянием гласности) они не раз указывали на особое значение археологии в изучении прошлого, в музейном деле Сибири. Так, в письме к иркутскому коллекционеру, создателю художественной галереи В.П. Сукачеву Д.А. Клеменц писал: «Будете за границей – обратите внимание на археологию. Я уверен, что Вам стоит только посмотреть хорошие музеи и Вы заинтересуетесь памятниками истории культуры. Вы любите историю искусства, а первобытная культура – заря искусства. На лето Вы все равно уезжаете куда-нибудь отдохнуть. Устройтесь в местности, где есть курганы, раскопайте их, сколько влезет, и посмотрите, как Вас это оживит, заинтересует и какой богатый вклад Вы сделаете в науку!». И особенно важно следующее замечание Клеменца: «Загляните в Минусинский музей, тогда Вы увидите, что в Сибири есть что сохранять, есть чем гордиться, есть что м[ожет] б[ыть] послужит для выяснения судеб человечества! Я бы бросил охотно и Монголию, и все затеи, если б вместо этого имел возможность проработать года два над забайкальскими да года два над минусинскими древностями» [12, с. 109–110].

Думаем, что представления об археологических богатствах Забайкалья были известны А.К. Кузнецову. Правда, сначала он не имел возможности поучиться у опытных археологов, обратился за поддержкой к геологам и под их руководством обследовал древние стоянки. Долгое время он не мог получить открытый лист – официальное разрешение на археологические раскопки и сильно переживал по этому поводу. Со временем, по мнению современного читинского археолога М.В. Константинова, А.К. Кузнецов «научился определять местоположение древних стоянок и умело использовал все формы геологических обнажений для сбора подъемного материала». При этом он обязательно составлял паспорт для каждой стоянки и публиковал результаты некоторых разведок [5, с. 59]. По сведениям Н.Н. Закаблуконской, А.К. Кузнецов обнаружил более десяти разновременных стоянок, в том числе открыл Каштакскую стоянку в окрестностях Нерчинска.

В июне 1889 г. Кузнецов предпринял самостоятельную поездку в Кондуйский казачий поселок на р. Урулюнгу (приток Аргуни) недалеко от русско-китайской границы. Он был буквально заворожен приаргунским ландшафтом и позже так описывал свои впечатления: «Перед нами к югу открывается чудная беспредельная, покрытая своеобразной растительностью Урулюнгульская степь, которую по простору и красоте можно сравнить только со степями Украины» [13, с. 25]. Прибыв на место обследования, А.К. Кузнецов нанял шестерых рабочих из местных казаков и отправился с ними к древним курганам, высившимся в 6 верстах от жилого поселка. Обследование древнего поселения, известного как Кондуйский городок, выявило плохую сохранность археологического комплекса. Кузнецов обнаружил, что стены православной церкви, а также буддийского дацана вблизи городка были сложены из камней и «чудских статуй», как их называли окрестные жители, использовавшие древние памятники как строительный материал. Исследователь подсчитал, что в хозяйственном употреблении местных жителей находилось 72 статуи, 58 больших камней с кругами (со следами тщательной отделки и насечками на кругах в виде радиальных линий), 20 камней с квадратными отверстиями, чаша из серого гранита и множество глиняных изделий, которыми забавлялись ребятишки [13, с. 22–24]. В ходе обследования А.К. Кузнецов частью зарисовал, частью сфотографировал памятники, провел небольшие раскопки на территории городка и доставил в Нерчинский музей керамику с «ясно выраженным китайским влиянием» и несколько изваяний [14, с. 62–63].

В то же время, наряду с кузнецовскими находками, в Нерчинский музей поступали найденные местными жителями древние сошники, отвалы, лемехи. Коллекцию археологических предметов пожертвовал викарный епископ Селенгинский Мелетий (Якимов). И, благодаря его за дары, Кузнецов тут же попросил распространить среди забайкальского духовенства список предметов, которые были особенно нужны музею [14, с. 61]. В короткий срок в Нерчинском музее были собраны «огромные интересные коллекции, особенно по каменному веку», как об этом сообщал руководитель музея в письме к В.В. Радлову [15, с. 66]. (Позже многие археологические находки были перевезены в Читу, и А.К. Кузнецов подготовил и издал две небольшие книжки с их описанием и зарисовками.)

Создатель Нерчинского музея мечтал о его расширении, задумал организовать в музее отдел ссылки. Но в одном из писем, процитированном Н.Н. Жуковым, сообщал, что генерал-губернатор Корф не разрешил открытие отдела ссылки, и очень сокрушался, ведь имеющийся материал «производит потрясающее впечатление». Из-за тесноты не удалось открыть и сельскохозяйственный отдел. В письмах к родным А.К. Кузнецов сетовал на то, что горожане не особо внимательны к делам музея. Впрочем, их отношение изменилось, когда летом 1891 г. путешествовавший по Сибири наследник престола, цесаревич Николай Александрович (Романов), посетил Нерчинский музей и с вниманием осмотрел его. В завершение часовой прогулки по музею будущий русский император передал на музейные нужды 500 руб., а основателю подарил бриллиантовую булавку [2, с. 28–29].

Визит цесаревича состоялся уже после переезда А.К. Кузнецова в Читу, куда он перебрался в 1889 г., чтобы, по его собственным словам, «дать образование в гимназиях своим детям». Однако покинув Нерчинск, А.К. Кузнецов продолжал интересоваться музейными делами, его беспокоила проблема научного руководства музеем. Так, обращаясь к В.В. Радлову, он писал: «Крайне сожалею, что Нерчинский музей, просуществовавший уже 7 лет и продолжающий быстро расти, остается без всякого руководства какого-нибудь ученого специального общества, он остается без всякой поддержки даже специальными сочинениями, за неимением которых нет возможности дать надлежащую обработку собираемым материалам» [15, с. 67]. Надеясь на поддержку со стороны научного сообщества, Кузнецов представил описание археологической коллекции Нерчинского музея на Международном конгрессе, работавшем в Москве в 1892 г., а позже не без гордости сообщал, что созданный им музей участвовал во Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде и на Всемирной выставке в Париже [1, с. 131; 15, с. 66]. Добавим, что после отъезда Кузнецова Нерчинский музей не остался без должного руководства, им заведовал коллекционер, исследователь флоры Забайкалья Г.А. Стуков, а в конце 1890-х гг. музей перешел в ведение Приамурского отдела Императорского Русского географического общества.

Первоначально жизнь в Чите, административном центре Забайкальской области, показалась А.К. Кузнецову тягостной. И как на Каре он тосковал по подмосковным ландшафтам, так и в Чите не мог забыть нерчинское житье. Но имея большой опыт коренных жизненных перемен, преодолел себя и развернул целенаправленную культурную работу, вошел в состав Забайкальского областного статистического комитета, работал в Забайкальском отделе Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты. Еще в Нерчинске А.К. Кузнецов завязывал дружеские и профессиональные контакты с исследователями и музейными работниками, формировал круг близких по интересам людей, который расширял и в Чите. Он вел переписку с Н.М. Мартыновым и В.В. Радловым, был хорошо знаком с Г.Н. Потаниным [16, с. 329–330]. Ссылный народник Н.А. Чарушин выучился у Кузнецова фотографированию, открыл свою фотографию в Троицкосавске, участвовал в научных экспедициях, снабжал фотоснимками многие музеи. Видные сибирские исследователи и музейеведы – Д.А. Клеменц, Г.А. Стуков, Д.М. Головачев, А.И. Герасимов – привлекались А.К. Кузнецовым к описанию музейных коллекций; в составлении гербариев, в записях бурятских песен и сказок помогал бурятский учитель Ш. Базаров [17, с. 292–293; 18, с. 32–33; 19, с. 14, 19].

Вместе с врачом Н.В. Кирилловым (занимавшимся краеведческими исследованиями) А.К. Кузнецов выступил с инициативой создания Забайкальского областного отделения Примурского отдела Императорского Русского географического общества. В заседании 16 июля 1894 г. состоялось учреждение нового общества, был сформирован комитет, первым председателем которого стал забайкальский губернатор, генерал-майор Е.О. Мацневский. Забайкальское отделение, вскоре переименованное в Читинское, ставило задачи изучения природных ресурсов и экономики Забайкалья, просветительную работу, устройство музея и библиотеки. Решение двух последних задач поручалось членам руководящего комитета Отделения, заведующему музеем А.К. Кузнецову и заведующему библиотекой В.М. Якушеву. Тогда же второй этаж пансиона Читинской мужской гимназии отвели под библиотеку и музейные коллекции [20, с. 1–3].

Официальное открытие Читинского музея состоялось 16 апреля 1895 г. По отчетам Забайкальского/Читинского отделения Географического общества видно, что к октябрю 1894 г. в музейных фондах насчитывалось не менее 10 тыс. предметов (по данным на 1 января 1898 г. хранилось 22 438 предметов, а в 1902 г. – более 33 тыс. предметов). Судя по имеющимся данным, А.К. Кузнецов деятельно формировал фонды музея с первых дней пребывания в Чите, а став его руководителем и единственным штатным сотрудником, пополнял его материалами экспедиций, за счет пожертвований и целенаправленных приобретений на средства Читинского отделения. Он перевез из Нерчинска археологические находки Кундуйского городка, хранил материалы археологических экскурсий по берегам рек Или, Онон, Ингода, где в 1892–1893 гг. обследовал свыше 25 древних стоянок [14, с. 64]. В 1895 г. он совершил очередную поездку в низовья Ингоды и Онона, осмотрел старинные оловянные рудники, памятники Агинской степи и привез в музей неплохую коллекцию. В совместном путешествии с горным инженером А.П. Герасимовым, специалистом Забайкальской горной партии, созданной в связи с проектированием и постройкой Сибирской железнодорожной магистрали, была собрана полноценная петрографическая коллекция. Кроме того, А.К. Кузнецов доставил в музей собранные им ботаническую, энтомологическую и археологическую коллекции [21, с. 157; 22, с. 5].

Наряду с археологией, А.К. Кузнецов пополнял фонды Читинского музея изобразительными материалами: открыл передвижную фотографию и, исполняя заказы, ездил по Забайкальскому краю, делал снимки достопримечательностей, подготовил более десятка фотографических альбомов, в их числе альбом «Декабристы в Забайкалье».

В дальнейшем в пополнении музея использовалась ставшая традиционной для российского музейного дела организация выставок. Так, в 1899 г. силами Читинского отделения Географического общества была проведена первая областная сельскохозяйственная и промышленная выставка, обеспечившая значительный приток музейных коллекций. Распорядителем выставки был, конечно же, А.К. Кузнецов. Особое внимание посетителей выставки привлекал дацан – макет буддийского

монастыря в натуральную величину. После завершения выставки дацан был преобразован в отдел Читинского музея, хранивший свыше 1600 предметов буддийской культуры. Однако в декабре 1914 г., к величайшему огорчению читинцев, в музее-дацане случился пожар, уничтоживший уникальное собрание [23].

С лета 1894 г., еще до официального открытия Читинского музея, А.К. Кузнецов вплотную занимался обработкой коллекций, записывал все поступления в шнуровую книгу, ежемесячно отчитывался о проделанной работе перед руководящим комитетом Забайкальского отделения, публиковал в местной печати «изъявления благодарности» за пожертвования в музей. Одновременно он занялся составлением «подвижных каталогов» предметов по зоологии и археологии с тем, чтобы в дальнейшем подготовить на их основе систематические каталоги.

По отчету за 1897 г. видно, что в Читинском музее было сформировано 8 отделов: естественно-исторический, антропологический, археологический, промышленный, сельскохозяйственный, отдел событий, относящихся к Забайкалью, отдел пособий (в том числе архивные документы, карты, картины и портреты) и собрание предметов из сопредельных стран. Во всех этих отделах все поступления в музей не только хранились и обрабатывались, они были доступны для осмотра, и особой экспозиции в музее не было. Такой прием практиковался во многих российских, в их числе – сибирских музеях, позже он получил название открытого хранения фондов. Как видно из перечня 1897 г., Читинский музей документировал природное и социально-экономическое развитие Забайкалья, представлял культуру живших на его территории народов. Особую ценность в музее, по мнению А.К. Кузнецова, составляли коллекции горных пород, собранные геологами А.П. Герасимовым и А.Э. Гедройцем, зоологическая коллекция Н.А. Иванова, археологические коллекции, сформированные самим Кузнецовым и Д.М. Головачевым. Главную ценность составляла буддийская коллекция, пожертвованная ламой Б.И. Доржиевым, – бронзовые золоченые бурханы, дворец небожителей из бронзы, шелковые костюмы участников буддийского праздника Цам. Внимание посетителей музея привлекал манекен в костюме шаманки, он по праву считался «украшением музея» [18, с. 24–29, 31–33].

В кратчайшие сроки А.К. Кузнецов создал музей, который вполне сравним с лучшими сибирскими музеями. Не случайно Г.Н. Потанин ставил Кузнецова в один ряд с Мартьяновым, относил его к тем «несибирякам по происхождению», кто, оказавшись в Сибири, «начинает с преданностью служить этому краю» [24, с. 297]. Социокультурное значение Читинского музея особо подчеркивал Д.М. Головачев, возглавлявший Читинское отделение Географического общества в 1904–1914 гг. Он говорил: «Как коллекции нашего музея, так и строго проверенные факты, нами собранные, помимо своего научного значения, принесут непосредственную пользу местному населению. В нашем музее подрастающее поколение с первых же дней сознательной жизни будет знакомиться с родным краем, приучаться любить знание и науку и понимать природу» [22, с. 19].

Между тем судьба продолжала испытывать А.К. Кузнецова на стойкость. Дважды созданный им музей в Чите подвергался уничтожению: в 1904 г. по распоряжению начальника гимназии (из личной неприязни к Кузнецову) все экспонаты были выгружены из помещения и свалены в сарай. Позже, пользуясь своими записями и фотографиями, А.К. Кузнецов сумел частично восстановить археологическую коллекцию, возобновить этикетки и пояснительные тексты. Но завершить эту работу полностью он так и не смог, и по свидетельству И.И. Михалкина, «большая часть археологической коллекции для науки потеряна» [14, с. 63]. А в 1911 г. в Читинском музее случился пожар, едва ли не целиком уничтоживший музейное собрание. Ко времени пожара А.К. Кузнецов был далеко от Читы: в 1906 г. в ходе карательной экспедиции генерала Ренненкампа по подавлению очагов Первой русской революции он был арестован и как активный участник революционных событий приговорен к смертной казни. По ходатайству Российской академии наук, смертная казнь была заменена каторгой, которую 61-летний А.К. Кузнецов отбывал в Акатуйской каторжной тюрьме. Отправленный в 1908 г. на поселение в Якутскую область, он с помощью своих друзей и коллег по музейной работе смог перебраться в Якутск, где занялся восстановлением музейного собрания, созданного еще ссыльными народолюбцами. Якутский музей возобновил свою деятельность в 1911 г., то есть как

раз в то время, когда погиб в пожаре Читинский музей. Тогда-то Читинское отделение Географического общества возбудило ходатайство о возвращении А.К. Кузнецова из якутской ссылки. Ожидая его приезда, председатель Читинского отделения Д.М. Головачев добился строительства собственного здания для музея, завершение которого произошло уже при А.К. Кузнецове. Осенью 1913 г. А.К. Кузнецов вновь стал директором Читинского музея, и через год упорного труда, 9 ноября 1914 г., состоялось открытие возрожденного музея. По мнению присутствовавших на торжествах, которое привел в своих воспоминаниях Кузнецов, «никогда прежде музей не был так полно представлен и прекрасно оборудован, как в данное время» [1, с. 132].

Восстановленный в должности директора, А.К. Кузнецов руководил Читинским музеем в продолжение последующих 15 лет. Он принимал на хранение коллекции упраздненных в революционные годы учреждений – агрономического отдела Переселенческого управления, Забайкальского казачьего войска, вывез из нерчинского имения Бутиных картины, художественную керамику, «дорогие итальянские мраморы» и организовал в Читинском музее художественную галерею. Как бывший политкаторжанин и почетный староста Забайкальского отдела Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев отметил 20-летие Первой русской революции открытием в 1925 г. нового отдела – Музея революции. За четыре года до этого торжества, в 1921 г., Правительство Дальневосточной республики, в состав которой наряду с другими территориями входила Забайкальская область, а административный центр размещался в Чите, присвоило Читинскому музею имя его создателя. Однако после кончины А.К. Кузнецова (умершего в 1929 г.) его музееведческая деятельность как приверженца Партии социалистов-революционеров была предана забвению. И только в 1990-е гг. Читинскому областному краеведческому музею, ныне известному как Забайкальский краевой краеведческий музей, возвратили имя Алексея Кирилловича Кузнецова [7]. Память об этом талантливом и мужественном человеке, обращение к его жизненному и научно-музейному опыту расширяют исторические представления о музейном деле на востоке страны, служат перспективам его развития.

Библиографический список

1. Кузнецов Алексей Кириллович : автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. – М. : Сов. энцикл., 1989. – С. 126–133.
2. Жуков Н.Н. Жизнь и деятельность Алексея Кирилловича Кузнецова / Н.Н. Жуков // Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. – Чита : Печатное дело, 1929. – С. 5–56.
3. Кузнецов Алексей Кириллович // Сибирская сов. энцикл. – Новосибирск : Зап.-Сиб. отд. ОГИЗ, 1931. – Т. 2. – Стб. 1102–1103.
4. Равикович Д.А. Кузнецов Алексей Кириллович / Д.А. Равикович // Российская музейная энциклопедия: в 2 т. – М. : Прогресс ; Рипол Классик, 2001. – Т. 1: А–М. – С. 309.
5. Константинов М.В. Провинциальная археология / М.В. Константинов. – Чита, 2008. – 296 с.
6. Патронова А.Г. Кузнецов Алексей Кириллович / А.Г. Патронова // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск, 2009. – Т. 2. – С. 217.
7. Закаблукловская Н.Н. Революционер, археолог, краевед [Электронный ресурс] / Н.Н. Закаблукловская. – Режим доступа: <http://museums75.ru.91-224-23-225.listkom.ru/kuz.htm> (дата обращения: 03.09.2017).
8. Стемпковский И.А. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае / И.А. Стемпковский // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков : сб. документов и материалов // отв. ред. Э.А. Шулепова. – М. : Этерна, 2010. – С. 202–210.
9. Петровская сельскохозяйственная академия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Петровская_сельскохозяйственная_академия&oldid=84367670/ (дата обращения: 25.08.2017).
10. Харчевников А. Материалы к биографии П.Н. Рязанцева / А. Харчевников. – Чита, 1922. – 11 с.
11. Закаблукловская Н.Н. Нерчинский краеведческий межрайонный музей / Н.Н. Закаблукловская, А.Г. Громова // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск, 2009. – Т. 2. – С. 473–474.
12. Письма Д.А. Клеменца В.П. Сукачеву / публ. А. Фатьянова // Сибирь. – Иркутск, 1986. – № 4. – С. 101–114.

13. Кузнецов А. Развалины Кондуйского городка и его окрестности / А. Кузнецов. – Владивосток : Книжное дело, 1925. – 64 с.

14. Михалкин И. Алексей Кириллович Кузнецов как археолог / И. Михалкин // Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. – Чита, 1929. – С. 57–65.

15. Письмо А. Кузнецова к Радлову. Октябрь 1893 г. // Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. – Чита, 1929. – С. 66–68.

16. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло [и др.]. – Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 1990. – Т. 4. – 428 с.

17. Чарушин Николай Аполлонович : автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. – М. : Сов. энцикл., 1989. – С. 284–296.

18. Кузнецов А. Отчет по Забайкальскому областному музею Читинского отделения за 1897 год / А. Кузнецов // Отчет Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. 1897. – Чита, 1899. – С. 21–38.

19. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Н.Н. Яновский. – Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 1991. – Т. 5. – 272 с.

20. Отчет о деятельности Забайкальского областного отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества / под ред. Н.Г. Сарычева. – Чита, 1895. – 21 с.

21. Кузнецов А.К. Речь, произнесенная по случаю пятидесятилетия Императорского Русского географического общества / А.К. Кузнецов // Записки Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. – Чита, 1897. – Вып. 2. – С. 120–158.

22. Головачев Д.М. Десятилетие Читинского отделения (1894–1904 гг.) / Д.М. Головачев. – Чита, 1904. – 20 с.

23. Забайкальский краевой краеведческий музей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museums75.ru/history2.htm> (дата обращения: 03.09.2017).

24. Потанин Г.Н. Воспоминания / Г.Н. Потанин // Литературное наследство Сибири / сост. Н.Н. Яновский. – Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. – Т. 6. – С. 22–333.